Въ тылу боя.

(Поѣздка въ Ловичъ).

Дали подернуты бѣловато-сѣрымъ морознымъ туманомъ. Оснѣженные лѣса выступаютъ на этомъ фонѣ какъ серебряные. Изрытыя поля покрыты бѣлой изморозью, словно легкимъ пухомъ. Неяркое солнце за тучей похоже на мѣсяцъ. Вѣтра почти нѣтъ; все неподвижно. Есть какая-то призрачность въ этомъ бѣломъ, зимнемъ днѣ.

А гдѣ-то близко, впереди, глухими раскатами громыхаютъ пушки. Потомъ ихъ гулы смѣняются дробнымъ трескомъ пулеметовъ. Туманную завѣсу дали прорѣзываютъ, какъ бѣлыя стрѣлы, огненныя вспышки: это—выстрѣлы орудій. Вспыхнутъ, на мигъ освѣтятъ далекіе окопы и батареи, и черныя точки людей передъ ними,—и тотчасъ все опять—въ сѣроватомъ туманѣ, чтобы чрезъ мгновеніе озариться опять. Но это—не тютчевскіе «демоны-глухонѣмые ведутъ бесѣду межъ собой»: эти демоны переговариваются гуломъ пушекъ и пулеметовъ.

Чу, отдаленный крикъ: «ура!» Какъ стройно онъ разносится въ чистомъ морозномъ воздухѣ! Это наши пошли въ атаку штыками выбивать непріятеля изъ его позицій. При новой вспышкѣ бѣлой стрѣлы видно, какъ бѣгутъ по снѣгу черныя точки. И въ этомъ «ура» нашихъ солдатъ нѣтъ ничего дикаго, ничего звѣрскаго: это — бодрый, радостный крикъ, невольно вырвавшійся изъ тысячи грудей, заставляющій отважнѣе биться тысячи сердецъ.

Мы стоимъ у старыхъ окоповъ, откуда враги уже выбиты предыдущей атакой. Окопы — нѣмецкіе и, какъ всегда у нѣмцевъ, сдѣланы съ изумительной тщательностью. Говорятъ, у нѣмцевъ есть особыя машины для рытья траншей. Иначе трудно объяснить, почему ихъ линіи такъ ровны, стѣнки такъ гладки, и вся работа производитъ впечатлѣніе сдѣланной на поязъ. Два ряда глубокихъ канавъ, пересѣкаясь подъ тупымъ угломъ, тянутся чрезъ все поле, до самаго горизонта. Въ такихъ окопахъ можно было держаться упорно, долго, почти какъ въ крѣпости; но вотъ—они пусты, нѣмцы изъ нихъ выбиты и отошли отсюда версты за четыре къ сѣверу.

Окопы пусты; но около нихъ, тамъ и здѣсь, навзничь, ничкомъ, на боку, раскинувъ руки или прижавъ ихъ къ грудямъ, съ лицами то искаженными мукой, то странно-спокойными, лежатъ тѣла нѣмецкихъ солдатъ. Большинство изъ нихъ—въ своихъ темныхъ мундирахъ; другіе—полураздѣты: съ нихъ сняты сапоги и куртки; нѣкоторые—въ русскихъ шинеляхъ, надѣтыхъ, очевидно, чтобы защититься отъ холода. Есть среди убитыхъ юноши, почти мальчики, съ кроткими личиками, съ едва пробивавшимися усиками; есть люди пожилые, серьезные, лѣтъ за 40, какіе, вѣроятно, устроивше свою жизнь прочно, никогда не думавшіе, что имъ суждено ее закончить въ чужой Россіи, на снѣжномъ зимнемъ полѣ; почти совсѣмъ нѣтъ солдатъ «призывнаго» возраста, между 20-ю и 30-ю годами. Школьники и ландштурмисты,—вотъ кого выставляетъ теперь противъ насъ Германія.

Мы медленно идемъ вдоль окоповъ, всматриваясь въ распростертыя тѣла. Къ намъ подходитъ группа нашихъ солдатъ, участниковъ того боя, которымъ этотъ окопъ былъ взятъ. Они теперь —въ резервѣ, отдыхаютъ, тогда какъ ихъ товарищи изъ другихъ полковъ «подымаютъ» нѣмцевъ въ слѣдующихъ занятыхъ ими позиціяхъ. Обмѣнъ двумя —тремя вопросами, раскрытыя нами коробки папиросъ,—драгоцѣнное лакомство на передовыхъ позиціяхъ,—и между нами и солдатами устанавливается почти дружество. Здѣсь, поблизости отъ «линіи огня», всѣ встрѣчные невольно чувствуютъ себя близкими другъ другу, братьями, какъ сыновья единой матери-родины. Здѣсь, гдѣ есть подлинные «враги», нѣмцы, всѣ русскіе—друзья между собой.

Солдаты разсказываютъ намъ подробности боя. Онъ былъ ожесточеннымъ. Нѣмцы во что бы то ни стало хотѣли взять Ловичъ. Несмотря на то, что нами были заняты превосходныя позиціи; несмотря на то, что мы засыпали нѣмцевъ шрапнелью и пулеметнымъ огнемъ, они держались почти три дня, постоянно переходя въ наступленіе. Цѣлый рядъ нашихъ атакъ не достигалъ цѣли. Только получивъ, наконецъ, новыя подкрѣпленія и грозя обойти лѣвое крыло нѣмцевъ, мы заставили ихъ отказаться отъ Ловича. Они отошли на другія позиціи, которыя заготовили себѣ заранѣе, и тамъ продолжаютъ свое сопротивленіе, впрочемъ уже обреченное на неудачу. «Ура» нашихъ войскъ предвѣщаетъ, что нѣмцамъ придется уходить дальше.

Какъ извѣстно, бой у Ловича былъ однимъ изъ важныхъ эпизодовъ большой операціи, къ которой принудило нѣмцевъ искусство нашей стратегіи. Значительная часть германской арміи, наступавшей на Лодзь, была отрѣзана отъ главныхъ силъ. Нѣмцы дѣлали отчаянныя усилія возсоединить разорванныя части. Войска, подошедшія съ сѣвера, надѣялись пробиться къ отрѣзаннымъ корпусамъ, занявъ Ловичъ. Попытка эта нѣмцамъ не удалась; послѣ трехдневнаго боя, результаты котораго были передъ нашими глазами, сѣверная армія должна была отступить и предоставить отрѣзанныя части ихъ собственнымъ силамъ.

...Солдаты идутъ съ нами вдоль окопа, серьезно и сосредоточенно всматриваясь въ лица убитыхъ. Давно извѣстно, что на войнѣ къ облику смерти привыкаютъ. Его видятъ такъ часто, что смерть перестаетъ казаться чѣмъ-то страшнымъ. Въ повседневной жизни одного покойника провожаютъ десятки или даже сотни живыхъ, — близкихъ, родственниковъ, знакомыхъ: тамъ умершій — явленіе исключительное, и кажется, что смерть приходитъ рѣдко. На войнѣ, въ походѣ, убитыхъ приходится видѣть каждый день, и люди осваиваются съ мыслью, что смерть — обычное событіе въ ряду другихъ событій нашей жизни. Видъ убитыхъ нѣмцевъ не вызываетъ въ нашихъ солдатахъ никакихъ мрачныхъ предчувствій, только приводитъ на память различные моменты недавняго боя.

— Сотнями нѣмцы валились,—разсказываетъ степенный солдатъ съ черной бородой,—а уйти не хотѣли. Только это они храбрость показывали спьяну. Которые попадались въ плѣнъ, всѣ оказывались пьяненьки...

Мы и прежде слышали объ этомъ. Духъ германской арміи поддерживается теперь исключительно виномъ. Нѣмцы идутъ теперь въ бой въ томъ состояніи, когда «пьяному море по колѣно». Только этимъ объясняется ихъ упорство.

— А вотъ какъ этого убили, я самъ видѣлъ,—вспоминаетъ молодой безусый солдатикъ.—Хотѣлъ, сердечный, перебѣжать къ ближнему окопу; вкругъ замахалъ руками, завертѣлся и повалился. Видно, въ голову ему попали: тогда человѣкъ завсегда кружится.

Подходимъ къ убитому. Тоже почти мальчикъ; губы пріоткрыты, какъ-будто радостно улыбается. Разсматриваю ближе, находимъ на его груди письмо. Убитый самъ написалъ его, очевидно, въ день боя и не успѣлъ отправить. Въ письмѣ,—коротенькой «открыткѣ» съ видомъ какого-то польскаго городка,—убитый сообщаетъ своему другу, Карлу, что живъ, здоровъ и желаетъ ему того же самаго. Бѣднята, онъ не подозрѣвалъ, какой злополучный смыслъ получитъ его пожеланіе «того же самаго».

Вообще почти у каждаго изъ убитыхъ есть письма, недавно полученныя или приготовленныя къ отправкѣ. Санитары, уже убравшіе «на-черно» поле битвы, похоронившіе нашихъ, унесшіе винтовки, тесаки, лопаты, всѣ болѣе цѣнныя вещи, побросали эти письма, какъ ненужный хламъ. Запачканныя грязью, а иногда сплошь залитыя кровью, они гніютъ теперь подъ снѣгомъ и изморосью. Мы подбираемъ эти грязные клочки бумаги: когда-нибудь будетъ интересно и поучительно разобрать эти «письма враговъ и къ врагамъ».

Кромѣ писемъ поле засыпано обычнымъ «соромъ сраженія». Здѣсь груды разстрѣлянныхъ патроновъ, уже сметенныхъ въ золотистыя кучи, обломки шрапнельныхъ стакановъ, поломанныя прусскія каски, изорванные ранцы и шапочки, картоны съ зарядами, разныя книжонки, среди которыхъ много нѣмецкихъ воинскихъ пѣсенниковъ... Люди до послѣдней минуты думаютъ, что у нихъ есть что-то «свое», берегутъ это; приходитъ смерть, и тысячи вещей становятся «ничьи»...

Сзади насъ—разрушенная, сожженная деревня. Подъ немолкнущій трескъ пулеметовъ идемъ ее осматривать. Первое время деревню занимали нѣмцы. Нашимъ войскамъ пришлось взять ее съ боя; дома отъ снарядовъ загорѣлись, и теперь не осталось здѣсь ни одного строенія. Среди обгорѣлыхъ деревьевъ—скудные слѣды деревянныхъ срубовъ и полуразвалившіяся печи, болѣе ничего. Такого полнаго разрушенія цѣлаго поселка мнѣ еще не доводилось видѣть на этой войнѣ. Не уцѣлѣло ни одной крыши, ни одной мачты; жители всей деревни стали въ точномъ смыслѣ слова бездомными.

— Здѣсь у нѣмцевъ лазаретъ былъ, —тихо и угрюмо заявляетъ степенный солдатъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы понимаемъ, почему онъ говоритъ такъ тихо и такъ угрюмо. Среди шести каменныхъ устоевъ на фундаментѣ, на который опиралось какое-то сравнительно большое строеніе, можетъ-быть, сельская школа или почтовое отдѣленіе, видны изогнувшіеся въ огнѣ прутья кроватей, обгорѣлые клочья матеріи, вѣроятно, шинелей и одѣялъ, и опять груда труповъ.

Опустивъ голову, отвернувшись, мы проходимъ мимо. Нѣтъ, у насъ нѣтъ силъ всматриваться въ это зрѣлище! Воображеніе отказывается представить, что совершилось за этими обрушившимися стѣнами.

Темнѣетъ. Уже зима, и теперь сумерки наступаютъ рано. Мы возвращаемся на шоссе, къ нашему автомобилю. Навстрѣчу намъ идутъ раненые, тѣ, которые могутъ сами дойти до города, до перевязочнаго пункта. Большинство ранено въ лѣвую руку, которая во время боя въ окопахъ остается единственной открытой мишенью для непріятеля. Обмотавъ себѣ кисть розовой марлей, сквозь которую быстро просачивается кровь, солдаты спокойно идутъ на перевязку.

На войнѣ привыкаютъ и къ ранамъ. Если въ частной жизни кто-нибудь разобьетъ себѣ палецъ, это покажется серьезнымъ событіемъ. Въ сраженіи разрубленная кисть руки, оторванные пальцы считаются пустякомъ, хотя такая рана нерѣдко ведетъ за собой смерть отъ зараженія крови. Но столько бываетъ ранъ тяжкихъ, страшныхъ, что на поврежденную руку никто не смотритъ. Раненые останавливаются у нашего автомобиля, просятъ покурить, разсказываютъ о ходѣ «дѣла».

— Гдѣ имъ (т. е. нѣмцамъ)! — говорятъ они. — Противъ нашихъ не устоять. Уже уходятъ. Только дьяволы, они себѣ сзади новыя позиціи заготовили.

Предусмотрительность нѣмцевъ, всегда заготовляющихъ себѣ позиціи на случай отступленія, кажется нашимъ солдатамъ чѣмъ-то «дьявольскимъ».

Неспѣшно, ровнымъ шагомъ проходитъ мимо насъ свѣжій полкъ. У солдатъ лица серьезныя, строгія: они идутъ въ бой. Полкъ сворачиваетъ съ шоссе направо, на проселочную дорогу. Это — обходное движеніе, имѣющее цѣлью обойти лѣвое крыло нѣмцевъ. Если движеніе удастся (потомъ мы узнали, что оно удалось), нѣмцы должны будутъ окончательно отойти къ сѣверу.

Становится почти совсѣмъ темно. Стоитъ бѣлый мѣсяцъ, похожій на зимнее солнце, только еще не полный. Вспышки огней на горизонтѣ принимаютъ розоватый оттѣнокъ: это — пулеметы, легучія ружья, сами стрѣляющія въ воздухѣ, засыпая непріятеля дождемъ пуль. Какой, должно-быть, адъ тамъ, въ четырехъ верстахъ передъ нами! А здѣсь, прислонясь къ забору, уцѣлѣвшему чудомъ, солдаты безпечно курятъ, смѣются, обмѣниваясь замѣчаніями, въ ожиданіи, когда и ихъ поведутъ въ бой. Сложно артисты за кулисами, ожидающіе выхода. И все здѣсь напоминаетъ кулисы какой-то великой, грандіозной сцены.

Въ вечернемъ сумракѣ гулъ орудій не молкнетъ. Ни темнота, ни холодъ не останавливаютъ боя. Но намъ пора ѣхать.

— До свиданія, братцы!

— Прощайте, ваше благородіе. Спасибо за папиросы.

Солдаты искренно признательны намъ за скромный даръ. Но, какъ всегда бываетъ, стыдно слышать на передовыхъ позиціяхъ благодарность отъ людей, которымъ, быть-можетъ, въ тотъ же день предстоитъ отдать свою жизнь за насъ. Мы не находимъ, что сказать въ отвѣтъ...

Автомобиль быстро катитъ по опустѣлому шоссе, ужо знакомой дорогой къ Варшавѣ. Промелькнулъ Ловичъ. Во многихъ домахъ стекла разбиты отъ сотрясенія воздуха во время артиллерійскаго боя. Тянутся поля. Привыкшій глазъ различаетъ старые окопы, около которыхъ, въ октябрѣ, тоже шли ожесточенные бои. Промелькнулъ Сохачевъ съ живописной руиной старинной крѣпости на высокомъ обрывистомъ холмѣ. Лунный свѣтъ играетъ на тихой зыби Бзуры. Мелькаютъ разрушенныя строенія; громадные стволы срубленныхъ, поваленныхъ деревьевъ, недавно еще обрамлявшихъ дорогу; пешеходные новыя наведенные взамѣнъ сожженныхъ мосты. Вотъ Блоніе,—селеніе, гдѣ происходило серьезное сраженіе при наступленіи нѣмцевъ на Варшаву: оно теперь мирно спитъ, вездѣ темно. Вотъ лѣсокъ, гдѣ произошло убійство, въ которомъ былъ обвиненъ баронъ Бисмаркъ: когда-то это казалось важнымъ событіемъ и волновало общественное мнѣніе. Вотъ, подъ самой Варшавой, опять окопы и редуты съ проволочными загражденіями. И сюда докатывались волны германскаго нашествія.

Теперь нѣмцы отъ Варшавы далеко. Бои подъ Лодзью — ихъ послѣдняя ставка. Нельзя сомнѣваться, что она тоже будетъ бита, и скоро ни одного непріятельскаго солдата, кромѣ плѣнныхъ, не останется въ предѣлахъ нашей Польши.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 15-го ноября.